

УДК 94(470)(1654/1667)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.39-49

Мурзы и служилые татары в Русско-польской войне 1654–1667 гг.

А.И. Ногманов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена участию мурз и служилых татар в Русско-польской войне 1654–1667 гг. Данное исследование является первой попыткой анализа этой проблемы в отечественной историографии. Опираясь преимущественно на документы Разрядного приказа, опубликованные в «Актах Московского государства», автор определяет информативные возможности указанного корпуса источников. В войне с Польшей участвовали татары из разных регионов центральной части России и Поволжья. Кроме поместного войска, они служили в полках «нового строя» (рейтарских, драгунских и солдатских), значение которых росло по мере развития военного конфликта. Установление данного факта является новым словом в историографии служилых татар, как и выяснение различных обстоятельств ратной службы.

Ключевые слова: Россия, XVII век, Русско-польская война 1654–1667 гг., мурзы и служилые татары, поместное войско, полки «нового строя»

Для цитирования: Ногманов А.И. Мурзы и служилые татары в Русско-польской войне 1654–1667 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.39–49. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.39-49>

Русско-польская война 1654–1667 гг. за возвращение утраченных Россией в Смутное время территорий стоит особняком в военной истории нашего Отечества. По ней мало специальных работ. Причина этому видится в том, что данная военная кампания и не принесла особой славы русскому оружию. В ней обнаруживается много неудобных моментов, о которых отечественная историография предпочитала замалчивать. Например, «переменчивость» украинской казачьей верхушки, примыкавшей то к России, то к Речи Посполитой [4, с.198, 253–255, 288, 310–312, 319 и др.]. В какие-то периоды запорожские казаки воевали с крымскими татарами, в другие – искали покровительства у крымского хана. Ход военных действий часто складывался не в пользу России, победы чередовались с поражениями. Здесь не было примеров героизма, проявленных гарнизоном Смоленска во время Русско-польской войны 1609–1618 гг., зато массовый характер носило бегство из частей. Русское войско испытывало постоян-

ные проблемы с нехваткой ратных людей, обеспечением вооружения, продовольствием, жалованием и т.д. Затяжной характер войны негативно отражался на состоянии государственной казны и податного населения, вызывал социальную напряженность в обществе.

В результате многие аспекты военной кампании 1654–1667 гг. до сих пор остаются неизученными. В их числе – вопрос участия в ней служилых людей нерусского происхождения, в частности татар. Настоящая статья призвана в какой-то мере заполнить эти лакуны.

В войне с Польшей принимали участие разные группы татар. Со стороны противников России это были крымские и польско-литовские татары [4, с.387]. В русском войске служили представители разных территориальных групп татарского населения (романовские, ярославские, казанские, свияжские, касимовские, кадомские, темниковские, керенские и др. татары). Кроме того, татарское происхождение имело большинство новокрещен. Не случайно, И.Д. Беляев объединял их в один отдел конного войска, указывая, что новокрещенами назывались те из татар, которые приняли христианскую веру [5, с.171]. Обычно новокрещены проживали в тех же городах, что и татары-мусульмане. Однако в источниках, связанных с войной 1654–1667 гг., география их расселения показана шире. В документах Разрядного приказа, послуживших основой для статьи, упоминаются московские, боровские, калужские, малоярославские, коломенские, серпуховские, новгородские новокрещены.

Кроме татар центральной части России и Среднего Поволжья, в военных действиях принимали участие астраханские татары (едисанские и юртовские). В источниках упоминаются мурза Атманай Байтереков и табунный голова Курманак Маркашев, которые в 1654 г. бились под Смоленском «с Польскими и Литовскими людьми... и полон многой, лошади и животину и всякую рухлядь поимали» [1, с.236]. При их личной встрече с царем Алексей Михайлович повелел отдать астраханским татарам всю захваченную добычу, а затем распустил по домам в расчете, что они будут склонять соплеменников записываться в русское войско. Предполагалось, что весной 1655 г. татары вместе с ногайцами выставят три тысячи воинов [1, с.237]. Однако эти планы не были реализованы, так как после 1654 г. астраханские татары перестают упоминаться в документах, связанных с Русско-польской войной. Вероятно, причиной этого стало «моровое поветрие», в 1654–1655 гг. распространившееся в низовьях Волги [3, с.417]. Привлечение служилых людей из данного региона грозило занесением чумы в действующую армию. Кроме того, приходилось учитывать калмыцкий фактор. Крымские татары периодически склоняли калмыков выступить против России [4, с.461]. На случай их возможной измены правительству требовался противовес в лице астраханских татар.

Бытует представление, что мурзы и служилые татары, как и новокрещены, служили лишь в поместной коннице. Между тем анализ источников показывает, что применительно к Русско-польской войне 1654–1667 гг.

данное утверждение верно лишь отчасти, хотя татарские служилые люди по-прежнему являлись частью поместного ополчения. Они имели практически равные права с боярскими детьми и с городовыми дворянами. В документах так и писалось – татары, «которые служат с городами». Мурзы и татары состояли в одном списке Разрядного приказа [5, с.20] с русскими служилыми людьми, получали одинаковое с ними жалование. На смотры войска они являлись на своих лошадях, вооруженные «по-азиатски», то есть саблями и саадаками, также имели пищали, пистолеты и карабины [5, с.23]. Точно также были вооружены их слуги, которые, подобно слугам русских дворян, сопровождали своих хозяев в походе [5, с.17].

Во главе отрядов татарской поместной конницы стояли головы из числа русских дворян. В их числе был Михайло Наумов, голова свияжских мурз и татар, который летом 1655 г. отказался воевать против литовцев под началом воеводы Юрия Борятинского. Причиной отказа стали споры по «отечеству». На Наумова не оказало воздействия даже личное повеление Алексея Михайловича. В итоге за послушание царской воли его приказали «бить кнутом и сослать в Сибирь, на Лену», где «написать в казачью службу» [3, с.433]. В том же 1655 г. головой у казанских мурз и татар был дворянин Василий Панин [3, с.417].

Война с Польшей при всей важности дворянской конницы обозначила закат эпохи поместного ополчения, выдвинув на передний план полки «нового строя». Впервые они появились при Михаиле Федоровиче, во время Смоленской войны 1632–1634 гг., однако в реальную военную силу превратились лишь в 1650–1660-е гг. Татарский компонент в них тоже присутствовал. Известно, что темниковские и алатырские мурзы и татары служили вместе с русскими людьми в рейтарском полку воеводы Енаклыча Челищева [4, с.337–338]. Судя по имени и фамилии, он сам мог быть татарского происхождения. Под началом воеводы Максима Ртищева в октябре 1660 г. находились 697 мурз и татар «рейтарского строя» из городов «Касимова и Кадома» [4, с.190]. Много татар было в полках полковников Василия Челюстинина и Томаса Шаля [4, с.171], а в полку Христофора Мынгауса, как сообщает источник, все были «татаровя» [4, с.446].

В рейтарские полки татары записывались на общих основаниях, с условием «не быть в тягле, и не в какой службе». Среди них были лица, имевшие поместья [5, с.32]. Зачисленные в строй поступали в ведение Иноземного приказа, обучаясь «немецкой» воинской науке у иностранных полковников и ротмистров. Рейтары считались в одном разряде с городовыми дворянами, имели с ними одинаковые права. Вооружение их составляли шишак (металлический шлем), латы, шпага, мушкет, позднее карабин и два пистолета.

Второй разряд конницы, находившейся в ведении Иноземного приказа, составляли драгуны. Они также появились в русском войске при Михаиле Федоровиче и, помимо иноземцев, комплектовались из детей боярских, новокрещен, татар и других категорий лиц, «которые не в службе, не

имеют ни поместьев, ни вотчин, не в тягле и в не холопстве» [5, с.33]. Драгуны воевали в латах и панцырях, были вооружены мушкетами, пиками, шпагами, топорами или бердышами. Лошади, оружие и вся ратная сбруя им выдавались от казны.

Известно, что драгуны из числа татар служили в полках ранее упомянутых Василия Челюсткина и Христофора Мынгауса [4, с.446–447]. Однако, без сомнения, они присутствовали и в других воинских подразделениях. В отношении прав драгуны были близки к стрельцам и казакам. По окончании военных действий их отпускали по домам, где каждый обращался в прежнее состояние. В мирное время драгунам разрешалось торговать в городах и заниматься разными промыслами на тех же основаниях, что и стрельцам [5, с.34].

Еще одну категорию полков «нового строя» составляли пешие солдатские полки. Набор в них осуществлялся по тем же критериям, что и у драгун [5, с.59]. Оружие у солдат было казенное, оно состояло из мушкетов, пик, шпаг и бердышей. Для защиты им выдавались латы. О полках, в которых служили солдаты из татар, прямых свидетельств, относящихся к 1654–1667 гг., не обнаружилось. Однако факт их службы в этих подразделениях русского войска не вызывает сомнений. Основанием для подобных заключений является наличие отдельного мордовского солдатского полка, командиром которого был полковник Иван Беклер [4, с.341–342]. В солдатском полку боярина Ю.А. Долгорукого служили также черемисы (марийцы) и чуваш¹.

Наличие татар в полках «нового строя» отражает набравший силу процесс замены поместного ополчения регулярными частями, организованными по западному образцу. По своей боеспособности (дисциплинированности, вооружению и т.п.) поместная конница уже не соответствовала общему уровню и требованиям военного дела. Преимущества полков «нового строя» перед старой войсковой организацией состояли в том, что эти полки представляли постоянную вооруженную силу, имели упорядоченное военное устройство. Ратные люди этих полков проходили систематическое военное обучение, находились на полном содержании государства, получая денежное и хлебное жалование, обмундирование, оружие и боевые припасы.

В 1650-е гг. доля полков «нового строя» в русском войске увеличилась с 7 до 79%. Война с Польшей, безусловно, сыграла здесь роль катализатора. Татары не остались в стороне от происходивших изменений. Если по годовой смете 1651 г. в русском войске их насчитывалось 9113 человек (6,5% от

¹ 23 марта 1655 г. царь указал «в Запорогах» (исторический регион Украины, расположенный ниже Днепровских порогов до побережья Черного и Азовского морей. – А.Н.) быть с боярином В.В. Бутурлиным «дворяном же и детем боярским городовым, и черемисам и чувашам, и всяких чинов служилым людям полку боярина и воеводы, князя Юрия Алексеевича Долгорукаго» [3, с.402].

общей численности), то в смете 1662–1663 гг. татары уже не выделялись отдельной строкой [7, с.167], входя в ряды рейтар, драгун и солдат.

Важным показателем социальной дифференциации служилых людей являлось жалование. Размеры его зависели от происхождения и положения конкретных лиц, а внутри отдельных родов войск – от служебного стажа и территориального признака. Примерное соотношение денежных выплат показывает царская грамота от 29 января 1660 г. воеводе Григорию Козловскому. Она предписывала выдать служилым людям его полка, стоявшего под Белой Церковью, «дворяном и рейтаром и мурзам по 15 руб., казаком и драгуном и татаром по 10 руб., салдатом и стрельцом по 6 руб. человеку» [3, с.71]². Таким образом, разница в жаловании даже смежных категорий служилых людей составляла до трети высшего оклада.

В данном конкретном случае речь шла, скорее всего, о разовой денежной выплате, поскольку жалование, назначаемое во время смотра полков перед очередным походом, было больше. Например, в наказе боярину Ю.А. Долгорукому от 18 июля 1660 г. о сборе ратных людей в Смоленске, приводятся следующие сведения: «дворяном и детем боярским и мурзам по 30 руб., татаром по 20 руб., казаком по 12 руб. человеку» [4, с.119]. Аналогичные по размеру выплаты указаны в памяти Приказа Казанского дворца ратным людям полка П.А. Долгорукого³.

В ходе военных действий размеры выплат могли пересматриваться, как правило, в сторону увеличения. 28 января 1661 г. состоялся очередной смотр полка Ю.А. Долгорукого. Ратным людям (включая ярославских и романовских новокрещен, мурз и татар) повелели выдать: которые ранее были на службе – по 50 руб.; тем же, кто оставил службу или вовсе на нее не явился – по 30 руб. [4, с.332]. Текст указа демонстрирует снисхождение государства в отношении к «нетчикам». Вместо положенного по закону наказания лицам, неявившимся на службу, все же назначалось денежное довольствие. Причиной подобной терпимости являлась острая потребность в служилых людях и надежда на их «исправление».

Дополнением к жалованию была военная добыча, в том числе пленные. Наличие их у татар нашло отражение в источниках. 25 сентября 1661 г. поляк Осташко из г. Вильно подал челобитную на романовского татарина Иван Бакаева, который взял его в плен и забрал с собой в деревню, где, по словам Осташко, «поневоле кобылье мясо есть заставлял» [4, с.464]. Жить по мусульманским обычаям полоняник не захотел и, будучи католиком, подал прошение о крещении в православную веру. Схожая ситуация прослеживается в деле еврея из г. Горки Ицхака Нахимова, взятого

² 27 октября 1658 г. дворянам и детям боярским разных городов, а также романовским татарам, служившим под началом воеводы И.И. Лобанова-Ростовского было велено выдать по 15 руб. [3, с.628].

³ Память предписывала выдать из Монастырского приказа «дворянам и мурзам по 30 р., татарам по 20 р. человеку» [4, с.153].

в плен темниковским татаринем Бедарею. Оказавшись в г. Темникове, Нахимов изъявил желание креститься, после чего был отправлен вместе с женой на поселение в Казань [3, с.429]. Следует отметить, что город являлся крупным центром размещения пленных⁴, в частности смоленской шляхты. Значительная часть ее осталась на службе в России и была поселена в крепостях на Закамской засечной черте (Новошешминск, Мензелинск, Заинск и др.) [2, с.58–62].

К сожалению, практически не сохранилось фактов, показывающих отлучения служилых татар на поле битвы. Для Русско-польской войны 1654–1657 гг. это обычная ситуация. Источники, как правило, умалчивают о заслугах рядовых служилых людей. В основном в них описываются ситуации на отдельных участках фронта, а также действия конкретных воевод. Иногда эти сведения разбавлялись данными о потерях и нуждах русского войска.

С будущим театром военных действий татары познакомились еще до 1654 г. В конце 1640-х гг. они участвовали в строительстве крепостей на Белгородской засечной черте, входили в состав их гарнизонов [3, с.205]. Так, летом и осенью 1653 г. татары несли службу в крепости Яблонов (ныне с. Яблоново Белгородской области)⁵. С началом войны служилых людей из татар разбросало по разным местам. География военных действий охватывала восточную и центральную части Украины, юго-западные регионы России, территории Белоруссии и Прибалтики. Татары служили под началом видных русских военачальников – Юрия Алексеевича Долгорукого, Алексея Никитича Трубецкого, Якова Куденетовича Черкасского, Василия Борисовича Шереметева, окольничего Василия Васильевича Бутурлина и др.⁶ В одной из челобитных 1660 г. арзамасские и алатырские татары перечисляют некоторые эпизоды своего ратного пути: «...под Хмельниками был бой с ляхами и с вором и с изменником с Ивашкой Выговским... Ходили из Умани в поход очищать черкасские города, Могилев... и дошли до Кублич» [4, с.274; 6, с.70].

⁴ Указ от 15 марта 1655 г. предписывал выслать на поселение в Казань 32 литовских пленных, «которые взяты в языцах на боях в розных местах» [3, с.401]. 11 июля того же года царь велел нижегородскому воеводе Ивану Бутурлину отправить в Казань «литовских людей и жидов, которые взяты в языцах, и которые в городех в осаде сидели и с твоими ратными государевыми людьми бились, с женами, и с детьми, и с челядью» [3, с.428].

⁵ 28 ноября 1653 г. Алексей Михайлович указал отпустить мурз и татар по домам, с условием чтобы «они были в домах своих, лошадей кормили, и запасы свои готовили, и к службе совсем были готовы, и из домов своих никуда не разъезжались, а быть им на своей государственной службе по вестям» [3, с.352].

⁶ В качестве примера см. выдержку из письма окольничего И.А. Гавренева к думному дьяку С.И. Заборовскому от 3 июля 1660 г. В нем дан список московских и городовых чинов, участвовавших под началом боярина Ю.А. Долгорукого в литовском походе. Среди них «ярославских мурз и татар – 110 ч[еловек], романовских новокрещенов и татар – 97 ч[еловек]» [4, с.111].

Выявить факты участия татар в сражениях сложно и по той причине, что в документах они часто упоминаются вместе с другими ратными людьми, под определением «всяких чинов служилые люди». В то же время есть свидетельства их использования для проведения разведки и взятия «языков»⁷. Татарские конники были востребованы и для связи между воинскими подразделениями. Например, 17 августа 1656 г. алатырский татарин Ерлаган Акмашев был послан к воеводе Я.К. Черкасскому с наказом о действиях у г. Рига [4, с.535]. 19 августа Черкасский направил царю ответ, который доставил по назначению другой алатырский татарин – Давыдка Девятов [4, с.536].

Случались и особые поручения. Так, в 1656 г. в г. Вильно должна была состояться встреча польского короля с послами разных государств. Россию на ней назначили представлять астраханского наместника, боярина Н.И. Одоевского. Сопровождать его отобрали служилых людей из разных городов [3, с.516], в числе которых были казанские и свияжские мурзы и татары [3, с.519].

На фоне скудости позитивных примеров участия служилых татар в кампании 1654–1657 гг., имеется довольно много свидетельств нарушения ими воинского долга. Среди них нет не единого факта измены Отечеству, перехода на сторону противника или тайных связей с единоверцами – крымскими татарами. Другое дело – неявка или оставление службы. В XVII столетии это было обычным явлением.

Проблемы в комплектовании полков, участвовавших в войне с Польшей, были связаны с общей низкой дисциплиной поместного войска, отсутствием у него должной мотивации. Одно дело – защита родной земли, и совсем другое – война на чужой враждебной территории с не вполне понятными целями. Смотры, проводимые в полках, выявляли большое количество ратных людей, не явившихся на службу, так называемых «нетчиков»⁸. Встречались среди них и татары⁹. Примеры подобного рода случа-

⁷ 13 января 1661 г. Ю.А. Долгорукий доносил царю, что «мы для проведения про гетманов Павла Сапегу и про Чарнецкого и про Полубенского и про польских и литовских людей посылаем почасту и до сего твоего указу в розъезд и для языков по обе стороны Днепра дворян детей боярских розных городов и мурз и тотар и рейтарского строя начальных людей с рейтары». Далее говорится, что это были ярославские мурзы и татары [4, с.283–284].

⁸ Таких примеров множество. Так, вначале 1661 г. русские служилые люди г. Свияжска, отправленные в Москву к месту ратного сбора, в челобитной Алексею Михайловичу обвинили земляков Василия Корниловича Путилова и Якова Ивановича Лукошкова в многолетнем уклонении от службы. Царь повелел выяснить обстоятельства, после чего привлечь уклонистов к службе [4, с.324].

⁹ 22 июля 1656 г. был проведен смотр служилых людей, назначенных сопровождать боярина Н.И. Одоевского в его посольской миссии в г. Вильно. Во время смотра выявилась существенная недостача личного состава. В частности, из 137 казанских и свияжских мурз и татар на службу не явились 25 человек [3, с.519].

лись не только в поместном ополчении, но и в полках «нового строя». Например, в мордовском полку Ивана Беклера на смотре в Москве в апреле 1661 г. перед отправкой к месту службы в Полоцк числилось 662 солдата. После смотра из полка сбежало 69 чел., 18 солдат оказались больны и остались в лазарете Тушино, еще 5 человек умерли [4, с.341–342]. После смотра полк был доукомплектован, и из Москвы в Полоцк выступили уже 800 человек, однако к месту службы из них прибыло лишь 460 человек, остальные 340 сбежали по дороге [4, с.408].

Массовый характер носило бегство в частях, участвовавших в военных действиях [4, с.181]. Как правило, к оставлению службы ратных людей побуждали объективные причины, а именно: невыплата или задержка жалования, проблемы с продовольствием, амуницией, вооружением. В несколько лучшем положении находилось поместное ополчение, которое отправлялось на войну со своими запасами. В полках же «нового строя», находившихся на обеспечении государства, задержка жалования или обозов с казенным продовольствием негативно сказывалась на моральном духе служилых людей. Рейтары, драгуны и солдаты, оставшиеся без средств существования за тысячи верст от родного дома, попадали в безвыходную ситуацию. Купить продукты у местного населения у них не было средств. Кроме того, жители украинских и польских местечек нередко отказывались продавать провиант русским воинам по причине частых неурожаев или враждебного отношения. По этим причинам во время войны 1654–1667 гг. голод в русском войске был распространенным явлением. Ратные люди, служившие под началом Н.И. Одоевского, в одной из челобитных писали царю, что «ныне мы живучи на твоей службе в Вильне лошади, ружье, и платье испродали и проели, и одолжали великими долгами, и помираем голодной смертью» [3, с.555–556]. В результате в период с августа 1655 по сентябрь 1656 г. из полка Одоевского сбежали 47 детей боярских и 410 драгунов. После сентября 1656 г. полк покинули оставшиеся драгуны (за исключением 6 человек), а также 4 рейтар и 19 свияжских татар [3, с.554].

В ноябре 1661 г. в Борисовский уезд перевели рейтарские полки полковников Венедикта Змеева, Василия Челюсткина, Христофора Мынгауса, ранее воевавшие в Могилевском и Оршанском уездах, под Смоленском, Красным и других местах. Источник сообщает, что из полка Василия Челюсткина бежало 60 драгунов из мордвы, у Христофора Мынгауса 351 рейтар из татар, «да драгунов, взявших жалованье 58 человек». В итоге под началом Мынгауса осталось «рейтар татар 190 чел., да драгунов 40 чел.» [4, с.446].

Помимо голода, к оставлению воинских частей побуждали болезни, преследовавшие русское войско. Особенно тяжело приходилось зимой, когда не подвезли вовремя тулупы и другую теплую одежду. На трудности с обеспечением накладывалась чума, охватившая в 1650-е гг. многие области Восточной Европы. В 1656 г. во многом из-за нее русские служилые люди бежали из-под Риги [3, с.587]. Стимулировали дезертирство и воен-

ные неудачи русской армии¹⁰ и сопутствовавшие им большие потери¹¹. Татарам-мусульманам не добавляли мотивации сведения о крещении на родине их близких¹². Таким образом, причиной дезертирства являлась совокупность ряда объективных и субъективных факторов.

Правительство, конечно, принимало меры к пресечению бегства из частей, выставляя специальные заставы [4, с.158]. Пойманных беглецов, как правило, без наказания возвращали в полки [3, с.552]. В условиях нехватки ратных людей использовать жесткие меры считалось неразумным. Они применялись лишь в отдельных случаях. В частности, в октябре 1660 г. 53 рейтаров из полка Томаса Шаля, бежавших из с. Романовичи, велели бить кнутом «на козле», а после наказания «быть в службе по-прежнему». Двух же свияжских татар «Васку Иванова и Байметку Урмаева» велели повесить в с. Губарево «за их воровство, что они с твоей службы побежали и свою братью подговаривали» [4, с.171].

Таковы были реалии Русско-польской войны 1654–1667 гг. В целом татары в ней проявили себя достойно. Упомянутые неприглядные моменты были присущи всему русскому войску, вне зависимости от социальной дифференциации и этнической принадлежности ратных людей. Война с Польшей оказалась тяжелой для России, потребовав мобилизации значительных сил и ресурсов. 20 января 1667 г. в д. Андрусово было подписано перемирие, согласно которому России возвращался Смоленск, а также все земли, потерянные во время Русско-польской войны 1609–1618 гг. Польша также признала за Россией право на Левобережную Малороссию. Мурзы и служилые татары внесли в эту общую победу весомый вклад.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.4. СПб., 1851. 444 с.
2. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т.1. Казань, 1859. 231 с.
3. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т.2. СПб., 1894. 773 с.
4. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т.3. СПб., 1901. 671 с.

¹⁰ При отступлении русских войск от Могилева в Смоленск на отдельных участках это превратилось в бегство, в котором среди прочих ратных людей были замечены «мурзы и татаровя» [4, с.269–272].

¹¹ Потери в полку Ю.А. Долгорукого только в сражении 28 сентября 1660 г. у с. Губарево составили: убитых – 385, пропавших без вести – 186, раненых – 461 человек [4, с.169–171].

¹² См. память Приказа Казанского дворца от 13 июля 1660 г. «о посылке стольника Л.Ермолова в Темников и Керенск для крещенья татар» [4, с.115–116].

5. *Беляев И.Д.* О русском войске в царствование Михаила Феодоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. 118 с.

6. *Сенюткин С.Б.* История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород: Изд-во ННГУК, 2001. 417 с.

7. *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

Информация об авторе:

Ногманов Айдар Ильсурович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-2013-8339; e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Поступила 01.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Murzas and Service Tatars in the Russian-Polish War of 1654–1667

A.I. Nogmanov

*Marjani Institute of History of the Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the participation of murzas and service Tatars in the Russian-Polish War of 1654–1667. This study is the first attempt to analyze this problem in Russian historiography. Relying primarily on documents of the Military Records Office published in the "Acts of the Moscow State", author determines the informative possibilities of this corpus of sources. Tatars from different regions of Central Russia and the Volga region participated in the war with Poland. In addition to the local army, they served in regiments of "new formation" (raitars, dragoons and soldiers), the importance of which grew as the military conflict developed. The establishment of this fact is a new word in the historiography of the service Tatars, as well as clarification of various circumstances of military service.

Keywords: Russia, 17th century, Russian-Polish War of 1654–1667, murzas and service Tatars, local army, regiments of "new formation"

For citation: Nogmanov A.I. Murzas and Service Tatars in the Russian-Polish War of 1654–1667. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.39–49. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.39-49> (In Russian)

REFERENCES

1. *Historical acts, collected and published by the Archeographic Commission*. Vol.4. St. Petersburg, 1851. 444 p. (In Russian)
2. *Historical and legal acts and ancient royal documents of Kazan and other neighboring provinces, collected by Stepan Melnikov*. Vol.1. Kazan, 1859. 231 p. (In Russian)
3. *Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences*. Vol.2. St. Petersburg, 1894. 773 p. (In Russian)
4. *Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences*. Vol.3. St. Petersburg, 1901. 671 p. (In Russian)
5. Belyaev I.D. *On the Russian army during the reign of Mikhail Feodorovich and after him, before the reforms made by Peter the Great*. Moscow, 1846. 118 p. (In Russian)
6. Senyutkin S.B. *History of the Tatars of Nizhny Novgorod Volga Region from the last third of the 16th to the beginning of the 20th centuries*. Historical fate of the Mishars of the Nizhny Novgorod region. Nizhny Novgorod: NNGUK Publ., 2001. 417 p. (In Russian)
7. Chernov A.V. *Armed forces of the Russian state in the 15th – 17th centuries*. Moscow: Voenizdat Publ., 1954. 224 p. (In Russian)

About the author:

Nogmanov Aidar Iksurovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher, Head of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-2013-8339; e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Received October 1, 2024

Accepted for publication November 5, 2024